

А. С. Жирова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА

Философия М. Хайдеггера, заметно повлиявшая на общественную и культурную жизнь Германии XX в., вполне актуальна и для современной России. Укажем лишь на некоторые ее аспекты, интересные сегодняшнему российскому читателю: а) М. Хайдеггер пытался спроектировать для Германии «немецкую национальную идею»; б) он выступал против глобалистских тенденций, отстаивая не просто право немецкой национальной культуры на уникальность, но и право немцев на уникальную национальную философию; в) М. Хайдеггер стремился усмотреть специфику подлинно немецкого в своеобразном «почвенничестве», в ценностях так называемого традиционного общества, что в какой-то мере сближает его с российскими мастерами «деревенской прозы» и их современными последователями.

Этот список смысловых точек соприкосновения можно было бы продолжить. Но наиболее важной и интересной из них все же является проблема существования религии времен традиционного общества в индустриальном и постиндустриальном обществах. М. Хайдеггер, один из самых непримиримых критиков индустриализма, избежал заведомо проигрышного противопоставления средневековой религии реалиям Германии XX в. Он противопоставил «обществу технической сделанности» философию бытия, идеализирующую менталитет ремесленника и крестьянина «догуттенберговой эры». Но как же соотносится эта философия М. Хайдеггера и религия? «Рыцарь веры» протестантского толка С. Кьеркегор, атеист Ж.-П. Сартр, приверженец «философской веры» в Трансценденцию, в Объемлющее К. Ясперс – все эти представители экзистенциалистской традиции достаточно внятно и однозначно определили свое отношение к религии. М. Хайдеггер являет собой исключение из этого ряда: его позиция почти никогда не просматривается с полной ясностью в работах. В историко-философской науке по сей день остается открытым вопрос: действительно ли философия М. Хайдеггера исключительно светская, секуляризованная либо же это всего лишь переведенные на специфический философский язык некоторые стандартные ходы мысли теологов?

Поиски ответа на этот вопрос осложняются еще и тем, что на протяжении долгого времени М. Хайдеггер находился в финансовой зависимости от Римско-католической церкви, которая выплачивала ему стипендию для обучения, а стало быть, вполне оправданы сомнения в абсолютной свободе вероизъявления.

История внутренней религиозности М. Хайдеггера полна драматизма. Представляется, что путь духовных исканий философа может быть выра-

жен следующей формулой: *католицизм – протестантизм – атеизм – мистика – католицизм*. Такое выделение этапов не противоречит суждениям немецкого литературоведа Рюдигера Сафрански, который выпустил фундаментальную биографию М. Хайдеггера, ныне опубликованную в серии «Жизнь замечательных людей»¹. Исследователи творчества М. Хайдеггера Т. Шихан, Дж. Д. Капуто, Х. Отт также убедительно показали, что философская мысль М. Хайдеггера всегда была тесно переплетена с религиозной и теологической проблематикой. Однако они рассматривали в основном отдельные этапы религиозного пути М. Хайдеггера, не ставя вопрос о его религиозной эволюции и ее причинах.

В настоящей статье мы последовательно рассмотрим религиозные взгляды М. Хайдеггера в различные периоды его жизни, выделим основные события в ней, связанные с теологией, проанализируем теологические изыскания, предпринятые философом. Мы уделим внимание профессорам-теологам, которые были учителями М. Хайдеггера на протяжении длительного времени, с 1903 по 1916 г., а также выясним, как именно «теологическое» окружение философа влияло на содержание и способ подачи его философии, и в том числе – на манеру преподавания.

Этап первый. Католицизм. Семья Мартина Хайдеггера издавна была привержена к ультраконсервативному течению в католицизме. В Мескирхе, небольшом городке на юге Германии, в Швабии, где 26 сентября 1889 г. родился Мартин Хайдеггер, представителей его семьи всегда считали ортодоксальными, или «консервативными», католиками. Отец философа Фридрих Хайдеггер был ремесленником и, кроме того, служил в Мескирхе причетником в церкви. Сыновья Мартин и Фриц часто помогали ему: собирали цветы для церковной службы, ставили свечи в храме, звонили в колокола. На основе детских воспоминаний написан очерк М. Хайдеггера «О тайне башни со звоном». Жизненный уклад семьи строился на католицизме – самой древней и наиболее ригоричной из всех ветвей христианства.

В детстве М. Хайдеггер столкнулся с религиозной нетерпимостью, которая задела его семью. После Первого Ватиканского собора (1870) католический Мескирх разделился на два религиозных лагеря – «модернистов» и «консерваторов». Больше половины горожан Мескирха причисляли себя к «модернистам», ратовавшим за нововведения в католической церкви. За сохранение догматов и чистоту веры выступали «консерваторы» – сторонники римского католицизма. Семья Хайдеггеров принадлежала к числу последних. К модернистам, как правило, примыкали образованные люди с высоким достатком и либеральными взглядами – верхушка общества, которая не хотела быть слишком «римско-католической». Они считали ортодоксальных «римских католиков» ретроgrадами, отсталыми обывателями, цеплявшимися за отжившие обычаи. В свою очередь, представители римского католицизма, в том числе отец М. Хайдеггера, смотрели на «мо-

дернистов» как на раскольников и вероотступников. Церковь Святого Мартина в Мескирхе стала предметом спора между верующими. На некоторое время семье Хайдеггеров, занимавшей дом на Церковной площади, где традиционно жила семья причетника, даже пришлось покинуть свое жилье. С тех пор М. Хайдеггер никогда не рассматривал теологические вопросы как исключительно теоретические: они были непосредственно связаны для него с опытом жизни.

«Пострадавшие за веру» Хайдеггеры были на хорошем счету у Римско-католической церкви. Нет ничего удивительного, что она долгое время помогала получать образование Мартину, одаренному мальчику из небогатой семьи. Пастор Камилло Брандхубер предложил родителям Мартина отправить способного к учебе сына в католическую семинарию в Констанце. Он сам занимался с Мартином латынью и помог ему получить стипендию от местного благотворительного фонда Вайсса. В 1903 г. Мартин Хайдеггер отправился в Констанц (тот самый город, где в XV в. был казнен Ян Гус), в семинарию для будущих священников – «Дом Конрада».

С этого момента благотворительные церковные фонды финансировали образование М. Хайдеггера. За стипендией Вайсса последовала стипендия Элинера (теолога из Мескирха), предназначенная для помощи одаренным молодым людям, которые решили посвятить свою жизнь служению Богу и людям. А с 1911 г. – уже во Фрайбургском университете – М. Хайдеггер стал получать стипендию Шецлера, которая присуждалась изучающим наследие Фомы Аквинского. Финансовая зависимость от Церкви растянулась на 13 лет, до 1916 г. Но М. Хайдеггер отнюдь не тяготился получением этой финансовой помощи, считая, что вскоре он вернет больше, чем Церковь дала ему.

Закончив обучение в Констанце, М. Хайдеггер поступил в семинарию-интернат Святого Георга во Фрайбурге, после чего продолжил образование на теологическом факультете Фрайбургского университета. Его путь был вполне последовательным для человека, который искренне готовил себя к служению Церкви, а намерения его вызывали полное доверие стипендиального комитета при Римско-католической церкви.

Именно в католических журналах появились первые публикации будущего философа. В 1910 г. М. Хайдеггер отправил свою статью в журнал «Allgemeine Rundschau», посвятив ее защите устоев католической веры. Затем, в 1910–1912 гг., он публиковался в «Der Akademiker», ежемесячном журнале католического Союза выпускников вузов. Религиозные статьи молодого М. Хайдеггера не содержат неожиданных поворотов мысли. Он выступает с осуждением «модернистов», разоблачает бездуховность времени, массовую культуру, невозможность заняться серьезными духовными делами при столь стремительном темпе жизни. Стремление к новизне любой ценой, мимолетные соблазны – вот отличительные черты декаданса, характерного для эпохи. Как видим, молодой М. Хайдеггер всего лишь тира-

жирует клише критиков культуры². Впрочем, именно так и должен был вести себя будущий священник, обращающий взоры паствы от неподлинного посястороннего к подлинному потустороннему миру.

Получив воспитание в семье ревностных католиков, Мартин Хайдеггер считал служение Церкви своим жизненным призванием. Он успешно учился на теологическом факультете Фрайбургского университета, и его окружение видело в нем прилежного ученика и добросовестного католического священника в будущем. Вряд ли можно было назвать его в это время душой компании – мешает провинциальность манер. Но тем проще ему будет находить общий язык с прихожанами какой-нибудь сельской общины, куда направит его Церковь.

Расставание Хайдеггера с католицизмом, являющее собой первый жизненный поворот, случившийся задолго до 1930-х гг., произошло в непосредственной связи с несколькими внешними событиями, благодаря которым Хайдеггер-священник превратился в Хайдеггера-философа.

К 1911 г. стезя теолога и священника перестала увлекать М. Хайдеггера. Однако молодой человек понимал, что, прервав обучение на теологическом факультете Фрайбургского университета, он отказался бы от ясной перспективы – стать священником и преподавать католическую философию. Теологическое образование давало гарантированный заработок и позволило бы оправдать возложенные на него католической церковью надежды: ведь стипендию от нее М. Хайдеггер получал в общей сложности тринадцать лет – с 1903 по 1916 г.

Летом 1911 г. он взял отпуск и уехал к родителям в Мескирх, где не читал и не занимался, а совершал пешие прогулки по окрестностям, раздумывая о будущем. В это время он написал несколько стихотворений, в которых отразилась терзающая его неопределенность. (К поэзии он вернется только через тридцать 30 лет, когда станет анализировать произведения Гельдерлина и других немецких поэтов.) В результате было принято такое решение: не оставлять изучение теологии совсем, но идти дальше, расширяя свой кругозор, чтобы обрести самое главное в жизни. Представляется, что в это время М. Хайдеггер еще не знал, чем именно он воспользуется впоследствии, но решил на всякий случай «набрать в корзину» побольше всякой всячины – вдруг пригодится.

М. Хайдеггер записался на естественно-научный факультет, где занимался математикой, логикой, физикой, химией. Под влиянием проф. Генриха Риккерта он начал изучать философию, понимая ее в неокантианском духе – как методологию частных наук. Это объясняет, почему его так заинтересовала логика. К разработке ее как всеобщего основания М. Хайдеггер вернется в конце своего философского пути: в работе «Положение об основании» 1955–1956 гг. А пока первая его философская работа, представленная на соискание степени доктора философии, называлась «Учение о суждении в психологизме». М. Хайдеггер получил за ее защиту высший балл.

В течение продолжительного времени М. Хайдеггер не мог определиться с выбором будущей профессии. С одной стороны, он уже определенно тяготел к философии, которую осваивал под руководством Г. Риккерта. С другой стороны, формально он еще принадлежал к теологическому факультету. Разумеется, дело было вовсе не в том, что он боялся потерять стабильный доход и статус, расставшись с теологией. Просто М. Хайдеггер, трудолюбивый и упрямый, до последнего момента не хотел сворачивать с пути, который однажды выбрал, что называется, раз и навсегда, со всей немецкой основательностью. Уже тогда М. Хайдеггер был фундаменталистом, в том смысле, что хотел изучить область своего профессионального приложения *фундаментально*: знать действующие там законы и, сообразуясь с ними, определять свою стратегию жизни. Кроме того, теологии уж было отдано слишком много сил и времени. Университетское окружение, не догадываясь о метаниях молодого коллеги, воспринимало М. Хайдеггера только как молодого католического теолога, подающего большие надежды.

Будущий философ долгое время уклонялся от решительных действий. Приблизительно в одно время М. Хайдеггер штудировал «Логические исследования» Э. Гуссерля, изучал схоластическую философию и подавал прошение с целью получить очередную стипендию от Фонда Св. Фомы Аквинского. (С 1870 г. именно этот средневековый философ и богослов был определен римским папой на роль главного католического мыслителя, а его учение – томизм – было объявлено официальной философской доктриной католической церкви.) Просьба была удовлетворена. Получение от фонда тысячи рейхсмарок в семестр, естественно, накладывало определенные обязательства на стипендиата. Формально М. Хайдеггер оставался приверженцем томистской философии.

Католический фонд был готов субсидировать исследование строго очерченного круга проблем. Хотя М. Хайдеггера интересовала проблема логической сущности числа (это было вызвано чтением Э. Гуссерля и Г. Риккерта), ему, согласно условиям получения стипендии, пришлось взять тему диссертации, связанную с философией Средневековья. Он выбрал тему «Категории и значения у Дунса Скота», которая позволила ему познакомиться с едва ли не самым независимым умом Средневековья, предтечей феноменологии. В 1915 г. М. Хайдеггер успешно защитил диссертацию на избранную тему. Справившись с метаниями, развив в себе усидчивость, он теперь полагал, что вполне мог бы построить карьеру, связанную с церковью, но, конечно, не в качестве священника, а в качестве ученого-теолога и преподавателя теологии.

Атака Ватикана на религиозный модернизм тем временем затронула и университетские круги. Некоторым католическим профессорам пришлось принести публичное покаяние, а всем остальным – еще раз присягнуть на верность традиционным положениям католической церкви. М. Хайдеггер сохранял верность католической церкви, но политика отказа от всяких ин-

новаций, подавление всех новых веяний вызывала у него все большее недовольство. В собственноручно написанном *Currículum Vitae*, представленном факультету, он изложил свои планы на будущее, соединив обязательный томизм с феноменологией. Молодой ученый подчеркнул, что его «основные философские убеждения ориентированы на аристотелевско-схоластическую философию», однако его работа будет связана с «всесторонним представлением средневековой логики и психологии в свете современной феноменологии». В личной переписке того времени М. Хайдеггер критиковал политику Церкви³.

М. Хайдеггер приступил к преподаванию на кафедре католической философии Фрайбургского университета, специализируясь на средневековой схоластике. Однако реальных возможностей для продвижения по карьерной лестнице не намечалось. Кафедру теологии, занять которую он рассчитывал, отдали Юзефу Гейзеру, второразрядному теологу-неосхоласту из университета Мюнстера. Хайдеггер был очень расстроен таким началом своей карьеры: он осознал, что оказался в среде, где авторитет приходит с возрастом, а не завоевывается трудом. Это дало дополнительный повод для недовольства католицизмом.

Впрочем, такой поворот событий М. Хайдеггер умело использовал себе на пользу. Он уже отдавал себе отчет в том, что в католической теологии его привлекает не теология сама по себе, а ее философский аспект, столь основательно разработанный «ангельским доктором» Фомой Аквинским. Однако порвать с католическими теологами, которые воспринимали его как «своего», и заявить о переходе в стан философов М. Хайдеггер не решался, исключительно по теоретическим соображениям. Ему казалось, что гораздо меньшим злом сочтут уход из стана теологов по чисто личным причинам – от обиды, что его обошли. С этого момента занятия теологией перестали быть для М. Хайдеггера профессией. Он пришел к философии как своей конечной цели и главному занятию в жизни – чтобы в итоге стать одним из крупнейших философов XX в. Однако дверь в теологию М. Хайдеггер держал открытой до конца своей жизни, время от времени пользуясь ею...

Этап второй. Протестантизм. Летом 1917 г. М. Хайдеггер принялся за изучение протестантских теологов, отложив католические труды на дальнюю полку. Он читал протестантского теолога Фридриха Шлейермахера, а затем занимался изучением трудов Мартина Лютера и Серена Кьеркегора.

Немалое влияние на религиозные убеждения М. Хайдеггера оказал Э. Гуссерль, выдающийся философ и математик. Их личное знакомство состоялось летом 1916 г. Но М. Хайдеггеру и до личной встречи с Э. Гуссерлем было известно, какую позицию тот занимает в вопросе о церковном влиянии на философские исследования. Э. Гуссерль называл себя «свободным христианином», а также «недогматичным протестантом». Понача-

ду он относился к М. Хайдеггеру враждебно, рассматривая его как католического философа: Э. Гуссерль полагал, что католическая почва принципиально чужда феноменологии. Узнав, насколько радикально изменилось отношение М. Хайдеггера к католицизму, Э. Гуссерль стал не в пример более благожелательным к молодому человеку.

В 1917 г. Хайдеггер женился на своей студентке Эльфриде Петри. Это был «смешанный» брак: он – католик, она – лютеранка. Родители Мартина проигнорировали свадьбу сына, несмотря на то, что венчание состоялось по всем католическим канонам. Обряд проводил коллега М. Хайдеггера по кафедре католической теологии Энгельберт Кребс. Что именно хотел продемонстрировать М. Хайдеггер, настоявший на католическом обряде, осталось непонятным. Возможно, он хотел лишний раз предстать верным католиком в глазах университетских католических теологов, чтобы те не рассматривали его занятия протестантскими авторами и философами как измену.

Однако философия вовсе не была у Хайдеггера отделена от теологии непреодолимой стеной. Изменения в теологических предпочтениях неизбежно повлекли за собой изменения в философских интересах. Католицизм выдвигал на передний план незыблемый мирострой, который был чужд истории. Для постижения этого рационального божественного миростроя требовалась в первую очередь логика. Поворот Хайдеггера к протестантизму, наоборот, выдвинул для него на передний план вопросы истории. Чистая (гуссерлевская) феноменология сменилась на «герменевтику фактичности», на интерес к повседневности, а догматическая теология – на теологию Нового Завета. «Он пошел не за схоластическими теологами типа Фомы Аквинского, Скота и Суареса, а за Лютером, Паскалем и Кьеркегором, которые в свою очередь привели его назад к бл. Августину и св. Павлу... Не будет преувеличением сказать, что попытка Хайдеггера сформулировать “герменевтику фактичности”, или то, что названо в “Бытии и времени” “экзистенциальной аналитикой”, которая зафиксировала бы отличительные черты “фактической жизни” – “Dasein`а”, – была осуществлена под воздействием критики средневековой метафизики теологии Лютером и гегельянского умозрительного христианства Кьеркегором»⁴. В это время М. Хайдеггер занимался теологией креста Лютера. Он полагал, что сущность христианской теологии – «христианскость», под которой должен подразумеваться фактический модус существования верующего христианина – его существование в истории, которое приведено в движение крестом, Распятным, Христом на кресте.

Окончательный разрыв с католицизмом произошел, когда супруги Хайдеггеры решили не крестить своего первого сына по католическому обряду. М. Хайдеггер извещает отца Э. Кребса, что он отказывается от следования догматическому католицизму как в сфере философии, так и в личной жизни. Письмо было написано самым любезным тоном: Хайдеггер сообщает,

что хочет сохранить с Кребсом «бесценную дружбу». Однако он твердо заявляет о принципиальном изменении теологической позиции: «Углубление в себя, переходящее в теорию исторического знания, сделало *систему* католицизма проблематичной и неприемлемой для меня – но это не относится к христианству и метафизике, хотя я стал понимать последнюю в новом, нетрадиционном смысле»⁵.

Лекции по метафизике 1929–1930 гг., в которых М. Хайдеггер отнюдь не торопился завершать систему, выстроенную в «Бытии и времени» (1927), точно так же несут на себе след перемен в религиозных воззрениях. Ведь в них анализируются понятия «ужас», «скука», «ничто», «пустота», которые отнюдь не представляют собой структурных понятий феноменологии как строгой науки – это скорее экзистенциалы, максимально близкие к христианским.

Если в «Бытии и времени» огромную роль играл план книги, тщательно расписанный до мелочей и методично приводимый в исполнение, то «Лекции по метафизике» отличает совершенно иной стиль. Это, в сущности, проповеди лютеранского толка – и по стилю, и по тематике, созданные не без заметного влияния теолога Рудольфа Отто.

Примеры влияния со стороны теологов мы видим на протяжении всей академической карьеры М. Хайдеггера. Во Фрайбурге М. Хайдеггер был дружен с Э. Кребсом, в Марбурге – с теологом Р. Бультманом, в обществе которых он учился мыслить на начальном этапе своей философской работы. В статье «Мой путь в феноменологию» философ отдает дань уважения профессору теологии Карлу Брайгу. М. Хайдеггер продолжал посещать его занятия уже после того, как расстался с теологическим факультетом и «всецело посвятил себя философии». Именно от К. Брайга, по собственному признанию М. Хайдеггера, он впервые услышал о значении Шеллинга и Гегеля для спекулятивной теологии.

Знаменитая манера преподавания, которая, наравне с оригинальными идеями, сделала М. Хайдеггера популярным лектором, была перенята философом от его учителей-теологов. Ведь преподаватель теологии, даже читая лекции с университетской кафедры, остается священником и старается затронуть души слушателей. Он, в отличие от ученого, который стремится оставаться беспристрастным и объективным, не стесняется предстать перед студентами заинтересованным лицом, которое просто не может быть объективным. Это облегчало эмоциональный контакт преподавателя и студентов, обеспечивало личностный диалог между ними. М. Хайдеггер знал по своему опыту, насколько харизматичным может быть убежденный человек.

Обилие вопросов и «вопрошания» в лекциях М. Хайдеггера постоянно заставляло студентов напряженно и самостоятельно мыслить. Это также вполне соответствовало традициям теологического преподавания и общения с пастырем: обратившийся в веру должен был идти навстречу Богу сам, хотя и под руководством пастыря. Такова его позиция – активная и

пассивная одновременно. Она далека от позитивистской схемы, разделяющей мир на субъект и объект, но гораздо более близка к феноменологической «направленности, настроенности на объект» и к концепции истины как алетей («непотанности»), которая принесла М. Хайдеггеру всемирный успех.

Используя перенятую от наставников-теологов манеру преподавания, которая, в свою очередь, опиралась на многовековой опыт воздействия христианских проповедников на большую аудиторию, М. Хайдеггер научился не бесстрастно излагать тезисы, а провоцировать студентов на включение в процесс философствования. Вопросы, адресуемые студентам, вылились позже в тезис о процессе постоянного вопрошания, который лежит в основе всего философского учения М. Хайдеггера.

Этап третий. Атеизм. Исследователи характеризуют этот этап как «самый темный период в жизни Хайдеггера»⁶. Именно в это время была написана одна из последних марбургских лекций – «Феноменология и теология» (1927), в которой М. Хайдеггер подчеркивает радикальную разницу между мышлением и верой. Дж. Д. Капуто пишет: «“Феноменология и теология” явилась произведением, в котором Хайдеггер распрощался с христианской теологией как предметом открытого личного интереса»⁷. Очередное изменение отношения к религии совпадает с изменением круга чтения: Кьеркегор, Лютер, Аристотель отходят задний план. На передний выходит Ф. Ницше, который, по мнению М. Хайдеггера, «почти» преодолел европейскую метафизику. Ницше надолго увлекает М. Хайдеггера и, возможно, это обуславливает его иллюзии, связанные с национал-социализмом. Волюнтаризм, вера в народный дух, чуждый смирения, отказ от любви к ближнему в пользу сурового единения ради победы – все эти мотивы звучат не только у Ницше, но и у Хайдеггера, который становится при нацистах ректором университета.

В ректорской речи «Самоопределение немецкого университета» (1933) М. Хайдеггер, выражая согласие с Ф. Ницше, говорит: «Бог умер». В работе «Слова Ницше» М. Хайдеггер цитирует отрывок 125 из книги Ф. Ницше «Веселая наука»: «Что же такое теперь все эти церкви, если не усыпальницы и не надгробия Божии?»⁸ В период атеизма М. Хайдеггер переосмыслил христианское основоположение о ненасилии, черпая вдохновение в философии древних греков, у Гераклита, который говорил о борьбе как «отце всего», а также у Платона. По Хайдеггеру, противостояние («Auseinandersetzung») служит необходимым условием для высвобождения внутренних ресурсов. Освобождение человека не приходит как дар. Оно дается только благодаря внутренним усилиям, преодолению и борьбе. Доказывая благотворность противостояния и освобождения, М. Хайдеггер размышляет над сюжетом знаменитого платоновского мифа о пещере: философ, увидевший свет, насильственно принуждает последовать за собой

людей, сидящих в пещере и видящих лишь тени на ее стенах. Миф Платона о пещере, по мнению М. Хайдеггера, дает философу полномочия освободителя, даже если освобождение совершается насильственно. Такое понимание, благодаря которому национал-социализм вписывался для Хайдеггера в какой-то иллюзорный культурный контекст, заставило его видеть в ложном свете всю вакханалию насилия, связанную с ним.

Желание философски истолковать современные исторические реалии побудило М. Хайдеггера включиться в политику Третьего рейха в Германии. Необходимо, чтобы философия «владела своим временем», а не оставалась в башне из слоновой кости, писал М. Хайдеггер в письме Адольфу Гриму, политику с философским образованием, тоже ученику Э. Гуссерля. В философии древних греков М. Хайдеггер искал, по его собственному выражению, «дорожку для разбега», после которой должен последовать прыжок в современность 1933 г.

Несколько месяцев философ занимался перестройкой структуры высшей школы, занимая пост ректора Фрайбургского университета, одного из крупнейших в Европе. Включившись в исторические реалии Германии начала 1930-х гг., М. Хайдеггер проводил политику «фюрерства» в университете. Он истолковывал национал-социализм как переломный исторический миг, в котором Бытие вплотную приблизилось к истории. По его мнению, политика в это время перестала быть миром неподлинности, сферой обезличенности и «толков» (*Gerede*). Она приблизилась к истине, открыла эту истину. Заметим, однако, что величие момента для М. Хайдеггера основывалось вовсе не на содержании нацистской программы, а лишь на факте глобального переворота в истории. Нацизм представлялся ему каким-то случайным воплощением общей исторической необходимости, всего лишь формой проявления общих фундаментальных законов, которая, в принципе, могла бы быть совершенно другой. Понятно, что такая точка зрения была несовместимой с нацистской идеологией. М. Хайдеггер верно оценил масштаб переворота, произошедшего в Германии, но совершенно недооценил нацизм и неверно истолковал его.

В ректорской речи М. Хайдеггер высокопарно и торжественно связал современный миг с греческой цивилизацией, призывая слушателей осознать величие момента. Это – опять-таки был подход, характерный для священника, причем священника, который, подобно Лютеру, требует обновления, реформы, подразумевая под этим возвращение к истокам веры, к ее первоначальному состоянию. Р. Сафрански, комментируя ректорскую речь М. Хайдеггера, назвал его «священником без небесного послания»⁹.

В конце апреля 1934 г. М. Хайдеггер ушел с поста ректора. «Постепенно Хайдеггер приходит к выводу, что национал-социализм предал свою внутреннюю истину и величие и стал проводником технологического раскрытия вещей»¹⁰. Мир в условиях национал-социализма показал себя как всего лишь сырье и набор инструментов для его переработки, т. е. пред-

стал техническим в самой основе своей. От великого исторического мига не осталось и следа. Войной стал руководить «*Gestell*», мир «технической сделанности», экономические и политические коллизии, к великому сожалению философа, так и не вышли на уровень Бытия и Ничто.

Таким образом, в период атеизма философ порывает с институциональной религиозностью, подчеркивая вслед за Ф. Ницше принципиальное отличие между философией и теологией. С другой стороны, «священник без небесного послания» пытается вмешаться в ход мировой истории. Находясь на посту ректора Фрайбургского университета, он интерпретировал происходящее в Германии в начале 1930-х гг. как встречу Бытия и Ничто.

Этап четвертый. Мистика. Католик, протестант, противник христианства в военные годы – теперь становится мистиком. Тон его философии в очередной раз меняется. Разочаровавшись в политике, М. Хайдеггер уходит от мирских дел, становясь отшельником. На этом пути его сопровождают немецкие средневековые мистики – Майстер Экхарт, Ангелиус Силезиус и Якоб Бёме.

Мистика в Средние века – так же, как и в последующие времена, – противостояла рационалистической схоластике. Мистическое мышление направлено не столько к Богу, сколько к Бытию, которое провозглашается как открытость. «Земля», «небо», «смертные» и «боги» – вот набор понятий М. Хайдеггера типичных для этого периода. Мы видим, насколько изменилась философия М. Хайдеггера, и как далеко он ушел от феноменологии Гуссерля, понимавшего феноменологию как строгую науку.

После 1946 г. М. Хайдеггер открыл для себя буддизм и восточную философию. Известно, что летом 1946 г. он вместе со своим китайским учеником Ши Исяо переводит частями «Дао дэ цзин»¹¹. Бог и религия оказываются на разных полюсах. Причем М. Хайдеггер предпочитает использовать слово «божественное», говоря о Боге, указывая на растворенность того, что могло бы быть названо «божественной благодатью», в мире. Религия перемещается в сферу культуры, становясь одним из столпов родины, языка и укорененности в них. М. Хайдеггер стремится не рационализировать, но поэтизировать свой философский текст. Рациональное отошло на второй план, уступив место молчаливому любованию миром. Вперед выдвинулось божественное, потеряв свод догматических правил, присущих европейскому рационализму, которые неизбежно сопровождают любую религию до тех пор, пока она выполняет функцию социального института. Бог – уже не строгая и неумолимая «причина самого себя», а «танцующий Бог».

Место *Da-sein*, отвечающего за проблеск Бытия, заняла *вещь*. «И если центральным понятием первого периода был *Da-sein* – пусть как просвет для вещи, но определяющий проявление вещи, то поздний Хайдеггер сме-

щает акцент на вещь и говорит, что просвет конституируется вещью, и мир конституируется спонтанным согласованием явлений, возникающих без причин»¹². Вокруг *вещи* складывается мир, она организует пространство, ближайший мир, о котором М. Хайдеггер говорил в «Бытии и времени».

Вещь в этот период понимается М. Хайдеггером как нечто мистическое, поскольку она показывает себя как самостоятельное *нечто*. Ее можно увидеть, однако нельзя рационально осмыслить, так как она не исчерпывается набором функций и положением в пространстве. Вещи не познаваемы рационально. Они мистически чудесны. Именно такова позиция философа в цикле докладов под общим названием «Прозрение в то, что есть» («Вещь», «Постав», «Опасность», «Поворот» – все работы 1949 г.).

В работе «Положение об основании» (на материале лекций 1955–1956 гг.) М. Хайдеггер противопоставляет мистиков и рационалистов. Разбирая закон достаточного основания *Nihil est sine ratione* («Ничего нет без основания»), сформулированный в XVII в. Лейбницем, философ заявляет, что на этом «незаметном» утверждении покоится способ функционирования всего современного западного мира. Это не столько закон логики, сколько парадигма, призванная «доставлять» основание всякой вещи или явлению. Сегодня человечество теряется перед тем, что не может обосновать. В Новое время Бог стал предметом в ряду других предметов, имеющих основание, и с того момента перестало существовать божественное. Эту утраченную парадигму, по мнению М. Хайдеггера, необходимо вернуть.

Опираясь на труды М. Экхарта и А. Силезиуса, М. Хайдеггер реконструирует альтернативный подход, утраченный с приходом Нового времени: бережное отношение к таинственным сущностям, какими являются Бог и божественное. Мистика, как и поэзия¹³, согласно Хайдеггеру, находятся не в мышлении, но расположены *перед* мышлением. Следовательно, всякое мышление – это искра Божья, или божественный ответ миру.

Этап пятый. Католицизм. Исследователи говорят о католическом догматизме позднего Хайдеггера. К старости М. Хайдеггер стал более «религиозен», он понял силу религии и позаимствовал у нее эту силу для своих произведений. К концу 1950-х – началу 1960-х относятся доклады «Гегель и греки», «Язык и родина», «Земля и небо Гельдерлина». В этих работах Хайдеггер вещает, как оракул. Он далек от самокритичности и бескомпромиссен. Он видит в себе спасителя заблудших и ослепших. Распевные псалмы «Welt weltet» («Мир мирует») и «Sprache spricht» («Язык говорит») наилучшим образом демонстрируют его философскую особенность данного времени.

В 1976 г., в год смерти философа, еженедельник «Шпигель» опубликовал материал, подготовленный ранее: интервью с Хайдеггером под заголовком «И только Бог может нас спасти». Так философ отвечает на вопрос журналистов о будущем современной цивилизации. М. Хайдеггер похоро-

нен на католическом кладбище Мескирха, между его матерью и отцом. Таково было его желание – точно так же, как и похороны по католическому обряду.

¹ Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цеховского; Вступ. ст. В. В. Библихина. 2-е изд. М., 2005.

² Там же. С. 125.

³ См.: Там же.

⁴ Дорощев Д. Ю. Хронология жизни М. Хайдеггера // Мартин Хайдеггер: Сб. ст. СПб., 2004. С. 461–462.

⁵ Цит. по: Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 446.

⁷ Капуто Д. Хайдеггер и теология // Мартин Хайдеггер: Сб. статей. СПб., 2004. С. 458.

⁸ Хайдеггер М. Положение об основании: Ст. и фрагменты. СПб., 2000. С. 4.

⁹ Сафрански Р. Указ. соч. С. 310.

¹⁰ Фрид Г. Хайдеггер. М., 2006. С. 7.

¹¹ Дорощев Д. Ю. Указ. соч. С. 563.

¹² Фрид Г. Указ. соч. С. 9.

¹³ Froment-Meurice M. That is to say. Heidegger's poetics. Stanford California, 1998.

Н. В. Шихардин

ВКУС ЖИЗНИ БЕЗ ОТЧУЖДЕНИЯ: МАЙ 1968 г. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ФРАНЦУЗСКОГО НЕОМАРКСИЗМА

Казалось, что единственным поводом вернуться к событиям, потрясшим Францию в мае 1968 г., может стать их приближающаяся сороковая годовщина, однако массовые акции студентов в начале 2006 г. высветили не только их историческую значимость, но и непреходящую актуальность. Хроника событий того далекого мая хорошо известна и представлена в исторической и политической литературе¹. Куда важнее понять социальные изменения, сформировавшие контекст «красного мая», философские идеи, которые его воодушевили, и те оценки, что были даны ему во французской общественной, в первую очередь философской, мысли. В фокусе нашего анализа будут, с одной стороны, взгляды А. Лефевра – крупнейшего из французских неомарксистов, который, выступив против «материалистического постулата», объявил основной проблемой философии отчуждение человека в современном мире, с другой – философские идеи Ж.-П. Сартра, для которого гуманистическая парадигма конструируется вокруг человека как субъекта, центра исторической драмы, обретающего в ней свободу и